

Завтра на парад

Рассказ

1

— **НЕТ, ВЫ ТОЛЬКО** поглядите! Опять глазки оставила!

Сноха швыряет картошку в тазик с водой. Старуха неторопливо желтыми ладошками вытирает брызги с лица, заправляет прядь волос под цветастый платок и обиженно поднимает глаза.

— Ты смотри чего! Сама будешь жрать это, поняла!? — Сноха трясет указательным пальцем перед носом старухи. — Что я — перечить должна? И вот так вся жизнь!.. Боже мой. За что мне все это!.. Сдам я тебя, сдам. До белого каления доведешь. Поедешь к своим старикам.

— А-а... — качает головой старуха. — Не поеду.

— Куда ты денешься! — яростно шипит сноха. — Сказала, поедешь, значит поедешь. У-у! Противная!

Воровато оглянувшись на дверь, она щелкает старуху по лбу костяшками пальцев.

— Ой-е-ей! Петя-а-а! — голосит та, схватившись за лоб. В глазах появляются слезы. Вот-вот заплачет по-настоящему.

В коридоре слышатся шмыгающие шаги. Входит Петя.

— Ну чего вы там еще, а, мать?

Коренастый, полуседой, с большим упругим животом.

— Иди, сам с ней разговаривай, — сноха машет рукой. — Я больше так не могу. Отправь ее, Петь, прошу тебя. Иначе вперед сдохну.

— Ну погоди, нельзя так сразу, подумать надо, — он присаживается за кухонный стол и косятся на мать.

Она все так же держится за лоб и слегка покачивается из стороны в сторону.

— А что тут думать! Все уже сто раз обсуждали. Там хорошо. Все старики живут. За ними ухаживают. А у нас так тесно. Сам же знаешь — Илюшка скоро женится. Алинка подрастает. Отдельная комната нужна. А тут эта... У-у! Ведьма! Никак не умрет. Столько и не живут нормальные люди!

— Да знаю я все, — он опирается локтем о стол. — Знаю. Только и ты меня пойми — не могу я так взять и отправить ее. Представляешь, что соседи подумают! Родной сын зачихал мать в дом престарелых...Тьфу!

— А ты обо мне подумал! — вскипает жена. — Тебе соседи дороже!? А то, что я подыхаю, тебя не волнует. Эгоисты!.. Боже мой, с кем меня судьба свела!. Тебе никто не нужен — ни я, ни дети!..

— Лен, ну че ты начинаешь.

— И я же начинаю. Да ты на себя посмотри. Ты хоть раз мне что-нибудь сделал хорошее за всю жизнь? Не, ты скажи, ты мне хоть раз цветы подарил?

— Причем здесь цветы...

— Во, цветы ни причем! Да у тебя все всегда ни причем! И сына ты не замечаешь. И никто тебе не нужен! Свалил эту образину на меня. И сидите вдвоем на шее, ножки свесили. Спасибо, любимый.

— Лен...

— Что Лен! Ты только посмотри, как она картошку почистила! — Жена запускает руку в тазик и ловко вытягивает оттуда картофелину. — А за стол сядет, как ни в чем не бывало!.. Ну что ты там бормочешь, — набрасывается она на старуху. — С Богом своим разговариваешь! Спроси заодно, когда он собирается тебя забрать, а то забыл, наверно, загостилась у нас.

Старуха сидит в углу комнаты, отвернувшись от них, пугливо ежится и что-то беззвучно шепчет. Она боится скандалов, понимает, что в любом случае окажется виноватой. Сноха придирается по каждому поводу. Раньше она хоть немного стеснялась сына, не смела обижать старуху, а теперь набрасывалась и в его присутствии. Сын отводит глаза в сторону и делает вид, что ничего не замечает.

Сложно живется старухе, а куда деваться, иного пути не предвидится. Остается только вспоминать прошлую жизнь, когда еще был маленький сын, когда они жили вдвоем с ним, и никто им был не нужен. Счастливое времечко...

После войны она вернулась в свою квартиру на окраине Липок, отец с фронта так и не пришел, без вести пропавшим посчитали. Та же участь постигла и ее первую любовь, бывшего одноклассника, с которым они сидели за одной парты. Во время войны погибла ее первая дочка. Так что жили они вдвоем с матерью, в тесноте да не в обиде. Дорожили друг другом. Два родных человека на целом свете. Был, правда, еще один родственник, Василий Петрович, двоюродный дядя, хотя какой дядя — почти ровесники с ним; он тоже отслужил на войне и поселился со своей семьей на другом конце города. Изредка они перезванивались, поздравляли с праздниками и спрашивали друг друга про здоровье. А потом наступил страшный год — умерла мама, и жить стало не для кого. Не было желания вставать по утрам, готовить, убирать. Время несло, она его не замечала. словно несколько лет сами собой вычеркнулись из ее жизни. Замуж она так и не вышла, хотя поклонники были, с цветами и конфетами, как положе-

но. Слишком поникшей она им казалась, дольше трех свиданий никто не выдерживал. Да она и не расстраивалась особо. После смерти родственников потеряла всякий смысл в жизни. Вот на войне у всех была одна цель. Можно было в три часа ночи спросить человека, о чем мечтаешь, и он, не задумываясь, ответит: «Победить». Как закончилась война, стремления людей смешались, отныне каждый желал свое, а многие и не знали, чего пожелать, — просто жили, наслаждались миром и спокойствием. В тридцать пять она родила сына, Петю. Прежняя замкнутость растворилась. Всеми чувствами, всем воспаленным сознанием она привязалась к ребенку. А на стены развесила фотографии отца и матери. Это придавало сил. Фотографии дочери у нее не было. Девочка умерла, едва ей исполнился год. Дочка часто снилась, слышался ее голос. Лица не разобрать, так, какие-то смутные очертания. Но было твердое убеждение, что это ее малышка, она жива и хочет кушать.

Петя рос на удивление послушным и умным мальчиком, был воплощением маминых надежд. Привязался к ней так же сильно, как и она к нему. Никого не пускали в свой мирок. Она и не могла предположить, что когда-нибудь сын приведет в дом постороннего человека. Но это произошло... Петя тогда плавно приближался к сорокалетию, по-прежнему был маленьким сыночком, маленьким и любимым для нее. Сноха появилась неожиданно, вошла в дом смело и, казалось, с порога вросла в семью. Сама маленькая, похожая на змею, с большим выпуклым лбом и залезанными волосами. Сразу начала устанавливать порядки, неконфликтный Петя молчал, не смел перечить. Для начала старуху переселили на кухню. Квартира крошечная, комнату забрали себе. А когда родился внук, Илюшка, комнату перегородили на две части большим шкафом, чтобы у ребенка появился свой уголок. Так и жили, притесняли старуху, ждали, когда же она умрет, а она все никак не собиралась. А уже после того, как родилась Алинка, вторая внучка, старухе совсем житья не стало. Детскую кроватку некуда было поставить. Сноха хотела на кухню, там, где старуха спала на раскладушке, а ее саму куда-нибудь устроить, в дом ветеранов или путевку взять в дешевенький санаторий, лишь бы дома не жила. Но старуха сопротивлялась из последних сил. Многие ее подруги попадали на старости в дом ветеранов. Случайно или нет, но через несколько месяцев (в лучшем случае через год) их оттуда выносили. А старуха в конце своих лет полюбила жизнь так, как никогда раньше, ударилась в религию, стремилась замолить грехи, каких не

смогла избежать на земной юдоли. Искала она защиты у сына, а он предательски молчал и старался не оставаться с матерью наедине. Сноха при каждом удобном случае обрушивалась на старуху с очередным скандалом, пилила ее по пустякам. Старуха терпела, так же как сейчас, а что ей оставалось делать?

Война, смерть родственников, многолетнее одиночество, мучительные воспоминания и, наконец, появление в доме снохи, наводившей ужас — все это не могло не сказаться на здоровье старухи. Пошатнулось ее сознание, стала путать сон и реальность, часто впадала в задумчивость, смотрела свои картинки днем и ночью. Сновидения прожорливо заглатывали прошлые беды, затемняли настоящие, старуха перестала понимать, кто жив, кто умер, что произошло, что нет. То ей казалось, что война еще не закончилась, и она просыпалась ночью в холодном поту, то ей виделось, что кричит ее маленькая дочка, старуха вскакивала и начинала отчаянно метаться по комнатам. Ее успокаивали, но она не могла поверить, что дочери нет. Думала, ребенка спрятали и не хотят ей отдавать. Временами это все проходило. Тогда сознание старухи было ясным и четким, как много лет назад...

В глубине квартиры лязгает замок, хлопает дверь. Все сразу затихает. Старуха вздрагивает. Это Илья. Его тяжелые шаркающие шаги — весь в отца. Спотыкается о чьи-то тапочки, и те летят в сторону. Рослый, плечистый, с легкой щетинкой, он входит в кухню и бросает рюкзак у порога.

— Здорóво.

— Вася!.. — восторженно произносит старуха, щуря блеклые глаза на парня.

Он, не обращая на нее внимания, проходит к столу.

— Какой Вася! Какой Вася! Дура старая, — ворчит сноха. — Это внук твой. Илья. Не узнаешь что ли!

— Илья. Внук, — неожиданно твердо повторяет старуха. И в глазах ее появляется что-то осмысленное. — Илья.

Такое со старухой часто случается — путает людей. Да и видеть стала совсем плохо. Глаза слезятся, раньше только зимой, когда холодный ветер бил в лицо, а теперь постоянно, даже когда дома сидит. Посмотрит на что-нибудь и почувствует, как слезы заполняют глаза, соберутся в самых уголках и потекут по щекам. Старуха смахивает их шершавой ладошкой, старательно трет морщинистые щеки.

— Как в школе, Илюш?

Сноха наливает суп из пузатой синей кастрюли. Внук терпеливо ждет, перебирает адреса в телефоне.

— Да все нормально. У нас это, праздник будет.

— Какой? — Сноха садится рядом.

— Ну, там окончание четверти.

— Так еще же начало мая!

— Ну а мы заранее. День Победы заодно отметим. В общем, собраться надо. Хату не можем найти, — он звучно отхлебывает из тарелки. — У Витька нельзя — предки будут дома. У Серого тоже что-то.

— Ммм... — Она понимающе покачивает головой. — Ты кушай-кушай.

— Короче, мы решили у меня.

— Как? Шшто — прямо у нас?!

Ее голос неожиданно пропадает, и вместо него появляется какое-то шипенье. В такие моменты она бывает похожа на змею. Старуха настораживается.

— Шшто — прям здесь?

— Ну да, а че? — Внук поднимает глаза на мать. Его толстая нижняя губа немного оттопыривается.

— А мы куда? — встревает в разговор Петя, все это время так отрешенно смотревший в окно.

— Вы?.. На дачу.

Родители переглядываются и замолкают.

— Ну а че — влом что ли?

— Не, ну ты... — хочет возразить Петя, но, почувствовав, как жена наступила ему на ногу под столом, останавливается.

— Ты шшто!.. — шипит она на мужа. Ее шея вытягивается из воротника водолазки, становится тонкой и гибкой. — Уедем. Не спорь. Насколько надо, настолько и уедем... Только квартиру не разнесите.

— Да все тип-топ будет!

— Не, ну как это! — Петя складывает руки на груди.

— Шшто тебя не устраивает? Замолчи! Ты мне всю жизнь сломал, теперь хочешь сыну! Пусть гуляет. Ничего страшного не случится.

— А мать? — Переводит он взгляд на старуху. — Тоже на дачу?

— Ты шшто?.. Нужна она там... Пускай на улице посидит, пока они здесь будут.

— Что — прямо на улице!?

— А чего ей станет! Оденем ее, и посидит. Сейчас тепло.

Старуха молчит. Перечить опасно. Все равно сноха сделает так, как сама захочет.

— Еще мне деньги нужны, — спокойно говорит Илья. — Ну, стол накрыть, то-се.

— Сколько? — Отец хмурит брови.

— Ну, две. Или три, — тем же невозмутимым тоном.

— Сколько! — Раздается крик фальцетом. — Да ты знаешь, сколько я получаю!?

— Знаю, не маленький. До фига ты получаешь.

— До фига, да! До фига! Как ты с отцом разговариваешь! Да ты вообще в своей жизни гроша не заработал. Только требуешь.

— Петя... — Вскрикивает сноха.

Лицо Пети покрывается красными пятнами.

— Что Петя!.. Наглец! Квартиру дай! Деньги дай! Ничего ты у меня не получишь. Не заработал! Понял?! Ни-че-го!

— Ой-ой-ой! — иронично распевает Илья. — Может, мне сахар перестать в чай добавлять?! Я на него тоже не заработал!

— Как ты разговариваешь, сопляк!

Отец хватается сына за воротник и с силой тянет к себе. Илья вырывается и встает из-за стола. Он сильнее и на голову выше отца. Высвободиться не составляет большого труда. Он бросает ложку на стол и молча выходит из кухни, захватив с собой рюкзак.

— Илья, подожди, — сноха бежит за ним следом. — Я тебе дам деньги, не надо к нему обращаться. Подожди...

Старуха вжимается в спинку стула, желая остаться незаметной.

Угрюмый Петя ходит по комнате. От стола к порогу, от порога к холодильнику, плите и опять к порогу. Открывает кухонные ящички, морщится от скрипа и закрывает. Злость переполняет его, закипает, душит рыкающим кашлем. Он пытается успокоиться. Старуха следит за ним глазами. В коридоре собирается внук, возится с кроссовками, слышится умоляющий голос снохи. Наконец, свистит замок на куртке, и захлопывается входная дверь.

Сноха появляется в комнате взъерошенная, прядь волос вылезает из прилизанного зачеса и повисает вдоль лица. Зрочки яростно бегают.

— Ну чего ты добился? Доволен? Вот куда он пошел!

— Отстань, — Петя в очередной раз направляется к порогу. — Жрать захочет, как миленький прибежит.

— Мне жизнь сломал — мало, теперь и ему захотел!

Реакции не следует. И тут сноха замечает притихшую в углу комнаты старуху, перебрасывает гнев на нее.

— А ты что расселась? Давай собирайся.

— Куда-а? — жалобно стонет она.

— За хлебом иди. У! Ведьма! — Замахивается, но, передумав в последний момент, останавливается, задержав руку в воздухе.

— Петя-а-а...

— Стой, ну что ты ее трогаешь. Алинка же хотела за хлебом.

— Умный нашелся. Пусть дома сидит, уроки учит. А этой, — кивает головой, — делать нечего, сходит. Давай-давай, иди, — дергает ее за руку.

2

СТУДЕННЫЙ ВЕСЕННИЙ воздух касается лица. Но старухе не холодно, ее хорошо одели. Сноха долго напялиwała на нее одну кофту, потом другую, поочередно одергивала. Кофты бу-ро-малинового цвета с продранными локтями. Старуха любит тянуть за нитки и распускать кофту. А снохе это не нравится, она сразу же отнимает нитки и нервно завязывает их узлом. У порога на старуху надели черные резиновые сапоги, лопнувшие чуть повыше щиколотки, водрузили тяжелый плащ, который она носила еще в молодости, и повязали старый полушалок на голову. «Иди — готова!»

Подъезд в тени, солнечный свет на противоположной стороне улицы. Старуха стоит, переводит дыхание, предусмотрительно щурится. Она немного боится улицы. Ее пугают однообразные дома и рычащие машины, мигающие светофоры и незнакомые люди. Будь ее воля, она бы не выходила никогда из дома, но сноха все равно не поймет, а если и поймет, то назло вытолкает. Сердце под кофтами учащенно колотится. Боится старуха, а все из-за того случая, когда она потерялась.

Давно это случилось, старуха за временем не следила, но точно помнила, что была весна. Возвращалась она с прогулки домой, не спеша шлепала по весенним лужам, на купающихся воробьев любовалась и вдруг поняла, что не знает, куда идти, — забыла, как выглядит собственный дом. Перепугалась жутко, торкнулась в один подъезд — закрыто, пошла к другому. Тоже закрыто. Третий открылся, осмотрелась: стены побелены, а в ее доме вроде бы зеленой краской выкрашены, и надписи разные по зеленому нацарапаны. Не тот подъезд. Опять ошиблась. В четвертом на нее набросилась собака с тыквообразной мордой, со сплошными складками и сплюснутым носом, но покусать не успела, хозяин вовремя придержал, а на старуху даже не взглянул. Вышла она на улицу, опустилась на лавочку и сидит, обессиленная от страха, а по телу мелкая дрожь побежала. Сколько она так сидела, неизвестно, забылась словно. А когда очнулась, пошла прямо по дороге, останавливая прохожих с одной только

В булочной душно. У кассы полно народу. За спинами сразу и не разглядишь, что выложено на прилавке. Старуха устремленно пробивается вперед, слегка расталкивая остальных. Вот заветный стеллаж. Слева бакалеи выложены, справа — ближе к стенке — свежий хлеб. Только свежий это одно название, сегодня еще не привозили. Продают вчерашний, зачерствелый. Старуха протягивает жилистую руку и крепкими пальцами начинает щупать буханки, какая из них *помяхше и неподгоревша* будет. Щупать особо нечего, старуха морщится, недовольно ведет носом, и, наконец, вытягивает одну с тускло-коричневой полукруглой макушкой.

— Баб Нюр, здрасте вам, — окликает ее продавщица.

Старуха вглядывается в незнакомое лицо, но не может вспомнить, кто это. Глаза опять слезятся, никакого спасенья.

— Идемте сюда, я вам без очереди пробью.

Старуха семенит к кассе. Все недовольно расступаются, пропуская ее вперед.

— Как жизнь, баб Нюр? Давно так вас не видела. Бабушка все про вас спрашивает, а я и не знаю, где вы, ничего не слышно.

— Да я так... Хорошо я.

— Ммм... — кивает головой продавщица. — Восемь рублей сорок копеек, — берет из рук вспотевшую десятку, расправляет ее, приглаживает. — Послезавтра на парад пойдете?

— А?

— На парад, говорю, пойдете?

— Парад? — Старуха вскидывает свои редкие брови. — А когда парад-то?

— Послезавтра, говорю, — терпеливо повторяет продавщица, записывая десятку в кассовый аппарат. — Будет завтра, а это потом, после него.

На лице старухи проявляется улыбка, распускаются новые морщинки, и блестят от слез глаза.

— Пойду-пойду, — бормочет она, — на парад пойду, надо... а как же...

Парад — это самый любимый праздник в жизни ветеранов. Старуха еще ни одного не пропустила. С Василием Петровичем на пару ходят. Детишки, цветы, поздравления, праздничный салют и выстрелы в воздух, от которых закладывает уши. Каждый год все происходит по-разному. Каждый год старухе что-нибудь дарят, какие-нибудь открыточки, поделки. Школьников заставляют мастерить подарки на уроках труда, а потом учеников гонят на парад и приказывают раздавать все это. Вот они и раздают. Старики искренне радуются и норовят поцеловать каждого подошедшего к ним ребенка.

просьбой: «Помогите...» Ей помогли, вызвали милицию. В отделении ее обыскали и нашли в вязаном кошельке записочку с телефонным номером. Через час за ней приехал сын. Старуха лихорадочно тряслась и плакала. Никак не могла поверить, что ее нашли. Всю обратную дорогу крепко держала сына за руку, а когда он пытался освободиться, хваталась за его куртку. Долго не выходила на улицу, да как-то после очередной ругани сноха ее вытолкнула за дверь. Просидела старуха на бетонных ступенях — может, час, может, два — дремала, изредка вздрагивая от стукотни входной двери, слушала гулкие шаги жильцов, кричание соседа, курящего на лестничной площадке этажом ниже. Мимо нее никто не проходил. И слава Богу — что бы она им сказала! Стыдно. Как бы тяжело ни жилось в семье, жаловаться кому-то невыносимо больно. Не в ее это было правилах. Когда гнев снохи приутих, старуху пустили домой. А через несколько дней ее выгнали опять. Всунули в ладошку жалкие копейки и послали за батоном. Только она хотела возразить, как сноха перед самым носом закрыла дверь и прокричала, чтоб пустая не возвращалась. Надеялась, что старуха затеряется где-нибудь, пропадет, а она вернулась к вечеру, измученная, грязная, как будто в окопе лежала. Ткнула корявым пальцем в звонок и прямо с порога протянула батон...

— **ОПЯТЬ ВЕРНУЛАСЬ...** — вздыхает сноха, приоткрыв дверь. — Ну заходи, что как в гостях!

Старуха теребит пуговицы, пытается расстегнуть. Руки совсем непослушные стали, даже с этой простейшей работой не справляются, не то, что было раньше.

— Ну чего ты там возишься! — Сноха выглядывает из кухни. — Разувайся сначала, не топчи. Что я за вами за всеми полы должна перебивать!

Старуха садится на стульчик и начинает стягивать сапоги. Это у нее лучше получается, чем с пуговицами. Правая и левая — готово. Ноги мозолистые, грязные, это потому, что сапоги натирают, да и к тому же они худые, пыль пробирается внутрь. Ей бы новые купить, да никто об этом не задумывается. Считают, что слишком старая, на днях умереть должна, зачем ей обновки, только деньги переводить. Вот сейчас заметят грязь, опять ругать начнут. Нужно ноги поскорее в тапочки спрятать. Шарит старуха рукой по полке с обувью, а тапочек нет. Перебирает все, выискивает, может, где завалялись. Желтые ногти на ногах скребут линолеум. Пол холодный, старухе зябко стоять.

— Что ты ищешь! — с ревом подкрадывается сноха. — У, ведьма! Вот они, — швыряет под ноги серые стоптанные тапочки. — На батарее сушились! Нельзя было спросить?!

Старуха довольна, ныряет в тапочки. Грязь не заметили. «Слава Богу», — думает она, на лице проступает улыбка.

— А, ты еще смеешься! Ты что, издеваться надо мной вздумала!? — продолжает сноха, скрестив руки на груди.

— Парад... — Глаза старухи округляются, она и не заметила свою улыбку.

— Какой тебе парад, старая! Тебя не сегодня завтра понесут отсюда, а ты еще о чем-то мечтаешь.

— Парад... — вдохновенно повторяет старуха.

— Ну дура! Седьмое мая на календаре!.. Иди, садись есть. Мы уже поели.

Медленно, точно насадка, старуха взбирается на стул, устраивается поудобнее, ждет.

— Куда! Здесь Илья сядет. Он еще не ел. Иди...

Сноха указывает рукой в угол комнаты. Там законное место старухи, между холодильником и стеной. Ее всегда кормят отдельно от остальных, якобы стол маленький, все сразу не помещаются.

Ест старуха медленно, со вкусом, шамкает, всматривается в рисунок на обоях. Перед глаза-

ми все плывет. Совсем плохое зрение стало, то ли было раньше...

Съев тарелку картошки, старуха кусочком хлеба собирает остатки. Привычка такая, еще с войны научилась. Потом вытаскивает вставную челюсть и незаметно обсасывает, жмурясь от удовольствия.

— Что делаешь, ведьма старая! Глаза б мои на тебя не смотрели. Ложись спать.

В коридоре хлопает дверь, сноха бросает ругаться и бежит встречать Илью. Старуха допивает сладкий чай, выскребывает ложечкой нерастворенные кристаллики со дна кружки. Она любит сахар, ей все кажется, что его скоро не будет. Но это обманчиво, сахар будет всегда, ведь войны-то нет, значит, все в порядке. Старуха немного успокаивается, поднимается со стула и боязливо крадется через коридор в комнату. Сноха занята разговором с Ильей. Ее не заметили. «Слава Богу», — думает старуха и тенью скользит в комнату. В заветном углу ряд иконок, лики святых смотрят на старуху, словно через оконца. Она опускается на колени, шепчет молитву, робкие слезы бегут по ее щекам. *Господи, очисти грехи наша... Владыко, прости беззакония наша... Святой, посети и исцели немощи наша...* Непослушные пальцы сжимаются, старуха крестится трясущейся рукой, неторопливо, старательно.

— Мам, а ее картинки завтра можно снять?

— Какие?

Сноха с внуком входят в комнату.

— Ну эти. Че они висят! Я монах что ли какой-то.

— Слышь, старая, — сноха толкает ее за плечо. — Пусть снимет Илья. Что ты без них не поговоришь со своим Богом?

— Нельзя, — вздрагивает старуха.

— Не, ну а че!

— Нельзя-а, — она начинает трястись в истерике. — Оставь.

— Что это с ней? — удивленно спрашивает Илья.

— Не знаю. Ладно, сынок, не снимай. Пусть висят. Вот умрет, потом... Сам видишь — как с ней жить, — сноха словно оправдывается перед сыном, — она же ненормальная... Отправить ее надо. Давно отцу твержу — никакой жизни! Устала...

4

СТАРУХА ОБЫЧНО СПИТ на кухне, на старой скрипучей раскладушке. Но если не двигаться, она скрипеть не будет. Нужно только

правильное положение найти. Постель уже готова, старуха сидит на венском стуле у окна и вглядывается в темноту, слушает, как потихоньку шумят ветви большого тополя, прикасающиеся к стеклу. Ветер не стихает, волнуется, прогоняет сон...

Скоро на парад...

Вспомнилось утро, то самое, победное утро сорок пятого. Тогда была такая же темнота, синяя, густая — ничего не разобрать. Ее разбудили выстрелы. Где-то совсем рядом кричали люди. Она поднялась, по привычке накинула на себя медицинский халат и выбежала на улицу. А там все смеются, обнимаются, целуются, знакомые, незнакомые — все кричат: «Победа! Победа!..» Еще толком и не понятно, что случилось. Спрашивает у прохожих. Вроде только что по радио объявили о капитуляции немецких вооруженных сил. Какой уж здесь сон! Все выскочили на улицу и принялись поздравлять друг друга.

Во время завтрака к ней подошел матрос, молодой парень лет двадцати, без ног и с отрезанной по локоть правой рукой, улыбается треснутыми губами — с праздником! — «Дайте за Великую Победу! Выпить жуть как хочется...» А у нее самой-то копейки оставались, едва на дорогу хватит, но она, не задумываясь, положила их в протянутую бескозырку. «Победа! Победа!»

На выходе в самодельной коляске сидел еще один парень, грязный и тощий, с длинными жилистыми руками. Люди бросали монетки на землю, он жадно набрасывался и подбирал их, тут же обтирая от пыли...

Сколько лет прошло, а эти люди до сих пор перед глазами стоят, словно вчера все случилось.

После завтрака она побежала по травянистому полю, выбрала траву погуще, опустилась, почувствовала, как одежда пропиталась утренней росой, стало немного прохладно. Перевернулась на спину, а небо чистое — ни единого облачка. Засмеялась и крикнула: «А ведь я живая! Я живая! Живая! Спасибо Тебе, Господи!» И тут же осеклась. Первый раз к Богу обратилась. Даже непривычно как-то... Никогда бы в такое не поверила, если б ей прежде сказали. Она родилась в той причудливой стране, где всех детей крестили, а потом торжественно сообщали им, что никакого Бога не существует. Некоторые, особо религиозные, вешали в доме иконы, чтобы устрашать детей. Вот, мол, здесь сидит Бог, будешь плохо себя вести, Он накажет тебя. Бабушкины сказки!.. И вдруг, как будто случайно... «Спасибо, Господи! Спасибо... что жива...» И такая радость обрушилась на нее, не передать словами...

— Спать пора, давай укрою, — сноха тянет за одеяло.

Рядом со снохой стоит внучка в одних трусиках и маечке и с любопытством разглядывает старуху. Ей дико и непривычно видеть дряблое старческое тело. Она еще не знает, что такое старость, что когда-нибудь она станет такой же. Пока она думает, что бабушка всегда была бабушкой.

— Таню-у-ша... детка... — Старуха протягивает руку и тут же получает шлепок от снохи.

— Дура! Это не Таня! Алина, внучка твоя.

У девочки дрожит подбородок, кривится рот, она начинает плакать.

— Ну что ты, моя крошка! Испугала тебя бабушка, да? — Сноха берет ее на руки и выносит из комнаты. — Плохая бабушка, плохая...

Танюша — это покойная дочь старухи. Она родилась в самый разгар войны, в сентябре сорок четвертого. А в конце войны, за полгода до победы, умерла. Да и было бы от чего — от простуды. Лекарств особых не достанешь, питание никакое, детский организм слабый, хоть старуха и сама была медсестрой, ничего не смогла сделать... Теперь она часто узнает дочь во внучке. Пугает их. Сноха страшно на это злится.

5

УТРОМ СТАРУХУ собирают. Как обычно натягивают на нее водолазку, две кофты, одну на другую, повязывают платок на шею. Она сопротивляется, хнычет, как ребенок, дергает за нитки.

— Ни-ха-чу-у...

— Чего ты не хочешь, старая!

— Заме-о-рзну, — жалобно распевает старуха. — Здесь хочу-у, в тепле.

— Нельзя, говорят тебе, нельзя.

— У-у-у... — Старуха падает с кровати на колени и замирает.

— Ведьма! — Сноха легонько щелкает ее по голове. — Илюш, может, она и вправду здесь посидит?

— Где здесь?

— Ну, в уголке где-нить.

— А вечеринка! Мам, ну мы же договаривались, — поникшим голосом возражает Илья.

— Сюда-а-а, — второй волной завывает старуха и неуклюже тянется в угол.

— Илюш, а может, мы картину снимем, которая в коридоре висит, и прикроем бабку?

— Какую картину! Это медведей-то? — задумывается он.

— Ну да, их. А что — никто не заметит. Мы аккуратненько.

— А она не выйдет?

— Не-ет, она тихо посидит.

— А, давай, — вяло машет рукой Илья, как будто навсегда распрощался с мечтой устроить прекрасную вечеринку. — Пускай посидит, если на улице не может.

Сняли картину, трех медведей, огромную, пыльную. Протерли влажной тряпкой и занесли на кухню. Старуха сидела на привычном месте, в углу, между холодильником и стеной. Сноха перевернула картину, и облокотила ее на холодильник, так, чтобы она полностью закрыла старуху. Нарисованные медведи неестественно перевернулись на бок.

— Пускай так будет.

— Только ты это, бабаны, смотри у меня, не высывайся, — внук трясет пальцем перед носом старухи. — А не то!

Дали ей пакетик с медалями и зубную щетку. Сидит, перебирает блестяшки, полирует их щетинкой, до блеска, как положено. Она каждый год так делает перед парадом. На девятое мая встанет пораньше, наденет их все, дождется Василия Петровича, своего закадычного друга, который как всегда принесет в ее дом терпкий запах одеколона и сигарет, и поедут они вместе на площадь, где встретят остальных друзей, с кем воевали, с кем выигрывали и радовались; узнают новые события, кто умер, кто болеет, у кого правнуки родились, и жизнь насыщенной покажется. Нет, не зря они боролись, не зря терпели и мучились. Есть счастье в жизни, об этом все знают, раз в год, в День Победы, оно собирается со всеми на парад и вальяжно разгуливает среди стариков.

6

РАСКАТЫ ГРОМА, ЧАСТАЯ дробь, пугающие взрывы... «За стеной война», — думает старуха и тяжело вздыхает. Опять бомбят. Только б не погиб никто... Потом вдруг спохватывается. Какая же война! Она давно закончилась! Это Илья, точно, Илья с друзьями веселится. Старуха встает и тихо выходит из укрытия. Посмотреть бы, что там происходит. Но тут вспоминает грозный вид внука. Он словно возникает перед ней и снова трясет указательным пальцем: «Смотри у меня!» Старуха возвращается назад, садится на стул и смиренно затихает.

На кухне пахнет фруктовым пловом, сноха приготовила для детей. Старуху еще не кормили, забыли, наверное, уехали на дачу... Но она ничуть не расстроена, слава Богу, что оставили дома, а могли бы и на улицу выгнать. Здесь при-

ятно, в тепле, на привычном месте. Уютный уголок, как будто специально для нее сделан. Вроде со всеми сидит в одной комнате и в то же время одна, никому не мешает, на глаза не попадает.

В солнечные дни, когда свет проникает через ажурный тюль, когда открываются форточки для того, чтобы проветрить комнату, старуха любит сидеть перед окном, подставляя свое морщинистое, увядшее лицо навстречу веселым солнечным бликам. Она поддвигает венский стул поближе к подоконнику и, устроившись поудобнее, все думает, думает. Обо всем на свете — о далеком прошлом, о настоящем, о детях и внуках... Иногда ее сознание ясное и незамутненное, а иногда в голове все плывет, и в этом смутном течении вырисовываются какие-то картинки, может быть, из ее жизни, а может быть, из чужой, вычитанной из книг, услышанной случайно от людей. То какие-то люди играют вечером в карты подле мерцающей свечи, зовут ее к себе, а она не может отказаться, бьет в нос запах спирта и табака; то она вытирает пот с лобика умирающего ребенка, ее дочери, Танюшки, а за окном воет вьюга и рвет старую синюю тряпку, которой заткнуто разбитое окно; то она перебинтовывает раненого офицера, он морщится и кусает от боли нижнюю губу, дрожат его реденькие усики; то оглушительный залп орудий, где-то совсем рядом, от него летят в окна камни и звенят стаканы на столе... Старуха часами сидит неподвижно и смотрит в пустоту.

Вбежавший в комнату Илья заставляет старуху опомниться. Внук не один, с девочкой, вытянутой и тоненькой, как балеринка, с обесцвеченной до самого носа челкой и голубыми глазами.

— Здесь никого нет.

— Точно?

— Да.

— Ты меня любишь?

— Ну да.

— Точно?

— Ну хватит, а! Люблю — сто раз говорил.

— А где родители?

— На даче. Сейчас дверь закрою.

Он хватает лежащую на полке выбивалку для ковров и вставляет пластмассовый стержень в ручку.

— Все. Надежно!

Старуха вытягивает шею, темную, сморщенную, похожую на сгоревшую бумагу, прислоняется к крохотной щели между картиной и холодильником. Видно только спину внука, он полностью загораживает девочку. Они подозрительно молчат. Старуха вглядывается в их

фигуры, но не может понять, что происходит, и что ей нужно делать.

И вдруг в комнате раздается звон падающих монет. Медали старухи, которые она держала на коленках, с грохотом летят на пол и кружатся волчком под ногами.

— Кто там? — вздрагивает девушка и оборачивается в сторону шума.

— Блин, забыл... — спохватывается Илья. — Не ходи, там никого.

— Там кто-то есть...

— Дура старая... Да не ты, Оль... Я не тебе. Не ходи, туда нельзя, — он с силой отталкивает ее от картины. — Что — не понимаешь что ли!

— Да ну тебя, — Оля вырывается и, выдернув укрепление из двери, выбегает в коридор.

— Оль, погоди! Слышишь?

Илья скрывается вслед за ней. Гулкие голоса доносятся из глубины квартиры. Старуха не может разобрать слов, хоть и прислушивается, повернувшись правым ухом к щели. Раздается дребезжащий звонок. Телефон. На старуху находит волнение, нужно взять трубку, телефон в коридоре. А она замаскирована, ей выходить строжайше запрещено. Звонок голосит, булькает, надрывается. Старуха неуверенно встает со стула, крадется к выходу. Прислушивается — в коридоре тишина. Решает незаметно выйти. Открывает дверь и вот уже подходит к телефону, как ее хватает за воротник Илья. Чувствует старуха через одежду сильную руку, вырваться сил нет. Тянут ее почти волоком обратно на кухню.

— Бабань, тебя убить мало, — рычит Илья.

Его злость пугает старуху, сводит с ума. От него можно все что угодно ждать, как и от снохи.

— Телефон... Парад... — робко встречает старуха.

— Какой на хер телефон! Сказано тебе — сиди спокойно! — небрежно толкает старуху на

стул, снова загораживает картиной. — Выйдешь — убью! — Грозно, не шутит. — Верить?

Старуха молчит, раздувает щеки, маленькая ямочка прыгает на ее дряблом подбородке.

Повторно звенит телефон. Резко и радостно трезвонит в ушах. Она оглядывается, но не встает с места, боится. Илья идет снимать трубку. Старуха терпеливо ждет, пережевывает от волнения невидимую еду. А вдруг это ей звонят? Перед девятым мая обязательно должны предупредить, сделать приглашение. Может, последний раз пойдет на парад... Никто этого не знает, только живут старики от парада до парада, тем и счастливы.

Долго внук не показывается в комнате, старуха успевает задремать, погрузиться в свои бесконечные картинки. Она видит Василия Петровича, Васю, в черном пиджаке, с россыпью орденов, букет красных гвоздик у Вечного огня, девочек с огромными бантами, мальчиков в белых рубашечках; все выстроены в одну линейчку, четко, красиво, аж дух захватывает...

Наверное, это не ей звонили.

— Бабань, слышишь, — Илья тормозит за плечо. — Проснись, тебе просили передать, завтра на парад, как обычно, на Ленинскую площадь к десяти.

Старуха хлопает сонными глазами, блаженно мурлыкает и засыпает опять, немного согнувшись на стуле, жантильно улыбается сухими тонкими губами. Ей снится парад, победный, торжественный, долгожданный, может быть, последний в ее жизни...

— А, забыл сказать... — спохватывается на пороге Илья. — Еще передали, что какого-то Василия Петровича не будет. Умер на прошлой неделе. Бабань, слышишь?.. Спишь, что ли?.. А! — Он машет рукой и поспешно возвращается к друзьям.

Рисунок автора